

Ѓдї вѣѣѣ Ѡаѣд в XVII ваѣа

6. Тї тїѣа ѠѠї а̀а Ѡа̀а̀а̀ї а̀

КАК только Русское государство выполнило условия Столбовского мира, шведы освободили Гдов, находившийся под их владычеством около восьми лет. Шведы знали, что по Столбовскому миру Гдовом они владеют временно, поэтому не торопились ремонтировать его крепость, которую сами же разрушили в 1614 г. До заключения договора они еще могли рассчитывать на приобретение Гдова, но тогда им было некогда заниматься ремонтом: они штурмовали Псков, но так и не смогли его взять. Шведы даже не удосужились залатать проломы в крепости хотя бы для приличия бревнами. Поэтому все эти задачи встали во весь рост перед первым гдовским воеводой Иваном Нащокиным после освобождения Гдова в 1621 г.⁸⁸

После «Смутного времени» положение страны было очень трудным. Остро не хватало на все нужды средств, поэтому и приграничную Гдовскую крепость ремонтировали кое-как - не камнем, а лесом, и не всю сразу. А так как у Ивана Нащокина и последующих воевод средств было мало, то они все время занимались недоделками предыдущих коллег или заменой уже успевших сгнить открытых всем дождям и ветрам бревен. Дело с ремонтом Гдовской крепости затянулось почти на всю оставшуюся часть XVII в.

Чтобы предметнее охватить ситуацию и почувствовать дух времени, следует внимательно прочитать документы той эпохи (с некоторыми сокращениями).

В июле 1636 г. псковский воевода князь Федор Куракин докладывал царю Михаилу Федоровичу о состоянии Гдовской крепости со слов Гдовского воеводы Григория Хомутова: «В нынешнем, государь, во 144 году июля в 8 день писал к нам, холопам твоим, во Псков изо Гдова Григорей Хомутов, во Гдове де... за Псковскими вороты захаб и Тарасы

Афанасьев Юрий Иванович - псковский краевед
Продолжение. Начало в № 27/2007 г.

все обвалилися... наряд на том роскате стоял, и тот наряд лежит на земли, да от того же... роскату проломное место, что заделано было деревом при воеводе при Матвее Муравьеве (1627 г. - Авт.) и то все вывалилося ж, а мимо... Гдова ездят неметские люди из Ругодива и из Ываня-города и те полье места видят. А прежде... та городовая поделка поделывана гдовскими посацкими и уездными всякими людьми. И мы, холопи твои, писали к нему, Григорию, чтоб он нам... отписал... сколько в котором месте сажен городовые стены обвалилися и сколько на тое городовую поделку надобно леса и есть ли на тое поделку что готового лесу и будет есть, и что к тому готовому лесу надобно в прибавку, и сколько к тому городовому делу надобно плотников и в сколько дней тое городовую поделку зделают, и что плотником дати поденного корму... твой государев наряд (пушки - Авт.) велели ему устроить, как мочно».⁸⁹

Гдовский воевода сразу же все выполнил и 29 июля того же года доложил своему непосредственному начальнику князю Ф.Куракину, который с его слов докладывал царю, т.е. царь получил сразу два доклада из Гдова, видел работу псковского воеводы с подчиненными. «...Который был лес во Гдове. А возили ево гдовские посадцкие люди и волостные крестьяне Гдовского и Кобыльского уезда зимой на караулни и на поделку воеводцкого двора 1200 дерев, и он де, Григорей, ис того лесу поставил 2 караулные избы да за Псковскими вороты захаб, острог и Тарасы зделал новые попрежнему около мерою дватцать три сажени, а в остатке де, государь, того лесу 500 бревен и того де, государь, лесу с один роскат будет. А проломного ... места, что заделано было деревом при Матвее Муравьеве (в 1627 г. - Авт.) вывалилось 30 сажен, да проломного же... места на Псковских воротех, что не доделал Микита Сумороков (в 1628 г. - Авт.) 14 сажен, да к Петелинской башне проломного места заделано было землей 17 сажен, да Петелинская башня ка-

менная выбита была из наряду 14 сажен, да у Тайницкой башне проломного места заделано было деревом 16 сажен и те проломные места и роскат Костерской и Малинской ваятца розно. А на Малинской... роскат и на те проломные места готового лесу нет, а по смете... на те проломные места и на роскат надобно лесу дерев тысячи з две. А сколько надобно на тое городовую поделку плотников и в сколько дней зделают того... не угадать, потому что во Гдове казенных плотников нет, наймут гдовские посадские и волостные люди делати стрельцов на отделку, а не поденно, а иное... делают гдовские посадские и уездные люди собою. И без твоего государева указу во Гдове городовые поделки мы, холопи твои, делати не смеем. И о том вели нам, холопом своим свой государев указ учинить».⁹⁰

Царь, конечно, указ учинил, дьяки указали, откуда взять денег и как заставить бесплатно работать крестьян и посадских людей, и стрельцы с посадскими людьми, что потолковей, продолжали латать все крепостные дыры.

Гдовские воеводы служили по году-полтора, тогда как в других городах и уездах - по два-три года. Видимо, потому, что приграничное воеводство с нарушенными укреплениями считалось очень ответственным и тяжелым делом, да и власти не всегда доверяли помещикам-воеводам, плохо справлявшимся с делом. За оставшиеся годы XVII в. после освобождения Гдова в городе перебивало более 30 воевод. И каждый из них обязательно получал задание проверить состояние крепости и приступить к ее ремонту.

В 1638 г. в Гдове был уже новый воевода - Парамон Туров, который напрямую связывался с Москвой, минуя непосредственного начальника - псковского воеводу (естественно, не по собственной инициативе). Из-за важности объекта, на котором служил, он получал задания прямо из Москвы и отвечал: «И по твоему государеву указу я, холоп твой, по городу ходил и смотрел. И городовая стена обвалилася, пройти по ней не мочно, и зубцы осыпалися. И катков по стене нет, и положить не lze, потому что кровли нет, дождем розмыло. А которые проломные места заделаны были деревом и насыпаны землей, и те места

все огнили и обвалилися, и что не доделал Григорей Хомутов (в 1636 г. -Авт.) проломного места у Тайницкой башни 15 сажен, да на роскате мост згнил, и наряду поставить не lze, да Петелинская башня каменная, и в той башни выбито из наряду у немецких людей (шведы. - Авт.) 14 сажен и то было зарублено деревом и то все згнило и обвалилося, и мосты в башни верхние и нижние все згнили, и наряду поставити в башни не lze, и войти в башню не мочно, а подошвенный бой весь засыпался, потому что стояли на башни туры и насыпаны землею и те туры згнили и обвалилися и лесницы все огнили и обвалилися и на город взойти ни по чему. А в городе, государь, колодец один, и в нем вода худа, а другой колодец на площади, да тайник под башнею, и те колодези засыпалися и воды в них нет, и для пожарного и сполошного времени воды в городе нет. А около города был ров с одной стороне, и тот засыпался, а з дву сторон рвов нет, а с четвертой стороне река. И надолб, и чесноку, и рогаток около города, и никаких крепостей (укреплений. - Авт.) нет. А твой государев город от немецкого рубежа всего 20 верст, и без тех крепостей в городе во Гдове быти не lze. А в твоей государеве казне во Гдове денег нет и делати нечем. А гдовскими посадскими людьми, уездными всякими людьми без твоего государева указу я, твой холоп, поделывать не смею».⁹¹

За такой мрачный, полный безысходности, доклад П. Туров вскоре был освобожден, как и Алексей Авксентьевич Бибиков, бывший менее года гдовским воеводой перед Туровым. После П. Турова в 1639 г. гдовским воеводой был назначен Юрий Иванович Житкой, называвший себя Юшкой. Он получил такое же задание, как и Туров, и вынужден был подтвердить выводы своего предшественника, смягчив некоторые наиболее неприятные моменты. Доклад его царю понравился, и он велел начать работы с расчистки колодцев.⁹² Ю. И. Житкой продержался в Гдове до 1641 г.

Пример указанных воевод показывает, что главной заботой их было поддержание боеспособности Гдовской крепости. Этим занимались и все последующие воеводы Гдова в XVII в., но им приходилось это делать с еще большими трудностями: вслед за гниением деревянных деталей крепости стали

разрушаться и каменные, поврежденные в период войны в 1614 г. и не имевшие кровли.

Но это было не единственным занятием гдовских воевод, о чем свидетельствуют наказания, которые каждый из них получал при вступлении в должность. Вот, например, наказ от 6 февраля 1628 г. новому гдовскому воеводе Ивану Михайловичу Оничкову: «Лета 7136 февраля в 6 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси велел воеводе Ивану Михайловичю Оничкову быти на своей государеве службе во Гдове на Матвеево место Муравьева (был воеводой в 1627 г. - Авт.), а Матвеею велено быти на государеве службе в Великом Новгороде с пятиною вместе попрежнему. И Ивану Оничкову, приехав во Гдов, взяти у Матвеея Муравьева ключи городовые, и на городе наряд, и в казне зелье, и ядра, и свинец, и всякие пушечные запасы, и денги, что есть в государеве казне, и государевы указные грамоты о всяких государевых делах, и книги приходные и расходные, и списки детей боярских, и пушкарей, и всяких служилых и жилецких людей, и всякие дела, и по списком всяких служилых людей пересмотрети всех налицо, а пересмотря, велети им быти на государеве службе во Гдове с собою. А что по ево смотру во Гдове детей боярских, и пушкарей, и жилецких всяких людей, и сколка в государеве казне будет денег и на городе наряду, и в казне зелья, и свинцу, и всяких пушечных запасов, и сколка х которой пищали ядер порознь, и каково х которой пищали ядро весом, и ему то все велети написати на роспись и во всем с Матвеем расписатца.

И будучи ему на государеве службе во Гдове, и того беречи накрепко, чтоб во Гдове на посаде и по слободам, и в уезде разбою и татбы и иново никоторо воровства... не было. А которые люди учнут воровать, бить и грабить, или иным каким воровством воровать... и ему тех воров велети имати, и про всякое воровство сыскивати накрепко и наказанье над ними чинити, смотря по вине. А которые люди учнут на кого в обидах и в насилствах, государю бити челом в управе, и Ивану Оничкову тех людей по челобитным судити и сыски всякими сыскивати накрепко в правду да по суду своему и по сыску меж ими управа чинить безволокидно.

А монастырей, которые во Гдове, ничем не ведати и в духовные ему ни в какие дела не вступатца.

Да и того ему беречи накрепко, чтоб во Гдове, в городе и в остроге в летние дни изб и мылен никто не топили и с огнем поздно не сидели, а для хлебново печенья и где есть варить - велети поделати печи на огородах или на полых местах в земле, где б было не блиско хором и от ветру б печи были огорожены, чтоб однолично в летние дни во Гдове от огня было береженье великое да в летнюю ж бы пору на лавках и во дворах по всех хоромам поставлены были кади с водою и с веники для береженья от пожарного времени...».⁹³

Приняв дела и все проверив, каждый новый воевода должен был составить опись имущества с указанием ответственных и направить ее в Разрядный приказ, в настоящем случае - думному дьяку Федору Лихачеву. Как правило, новые воеводы все это делали быстро, но случались и казусы. Так, во время приемки Гдова Воином Новокшеновым в марте 1631 г. оказалось, что в этой приграничной крепости нет ни одного помещика, не из кого даже назначить городского приказчика (коменданта крепости). Все помещики жили на территории уезда, а имевшие дворы в Гдовской крепости находились на государственной службе в Пскове или Новгороде. «Раньше городовым приказчиком был Борис Терпигорев, ныне он отставлен неведомо почему», - заключил Воин Новокшенов.⁹⁴

В соответствии с указанием бороться против «всякого воровства» гдовский воевода Григорий Бешенцов периодически производил проверки. Так, 12 января 1643 г. он направил стрелецкого сотника Ивана Языкова с пушкарем Фифилкой Авдеевым по исадам Гдовского и Кобыльского уездов, которые заметили «зарубежных латышей» с полными возами рыбы в русских землях. Латыши признались, что купили рыбу у гдовских ловцов, в то время как существовал запрет на продажу рыбы за границу по царским указам 1633, 1635 и 1638 гг. Гдовские ловцы подтвердили факт продажи, заявив, что рыба долго храниться не может, а с русской стороны в это время на рыбу им заказа не было. А латыши с рыбой сотнику и пушкарю «не дались», и стрельцов на заставе «посекли домертва».

Об этом Г. Бешенцов пожаловался шведскому воеводе в Нарве Нилсу Ассерсону, но тот «управы на них не дал».

О продаже рыбы за рубеж писал в Псков и изборский воевода Петр Нагин, сообщавший, что кабацкий откупщик Талавский и Пецкой Федка Сафонов и его товарищ Васка Ворыгин выменяли за хорошую рыбу на Опочке 2 бочки вина. Всех этих «воров», конечно, били кнутом. А псковский воевода князь Василий Ахамашуков-Черкасский в который уж раз настрого приказал всем уездным воеводам, особенно гдовскому, кобыльскому и изборскому, следить, чтобы подобного больше не было. Об этом разбирательстве он тут же доложил царю.⁹⁵

Как известно, в середине XVII в. в России усиливается крепостной гнет, растет количество тяглых людей и поборы с них. Народ боролся с этим, люди бежали с насиженных мест, а воеводы призваны были на местах неуклонно проводить политику государства. 20 августа 1649 г., например, гдовский воевода Семен Андреевич Крекшин докладывал псковскому воеводе Н. С. Собакину о бегстве из Гдова отданного на поруки в связи с переводом в тяглые посадские люди крестьянина Ивано-Предтеченского монастыря.⁹⁶ И этот пример был не единичным.

Выросло тягло и с торговых людей, в связи с чем Н. С. Собакин приказывал уездным воеводам провести перепись торговых людей, у которых на посадах стоят лавки и «онбары»: торгуют, а тягла не платят и «государевых служб не служат». А кто не согласен тягло платить, - разьяснял он, - пусть продает свои лавки посадским людям. Как только об этом приказании узнали монастыри, церкви и помещики, они сразу же завалили Собакина жалобами, которые тому пришлось разбирать несколько месяцев. В подтверждение этого приведем несколько примеров по Гдову:

20 августа 1649 г. Собакин - Крекшину. «Не писать в тягло живущего в Никольской слободе служку Гдовского Никольского монастыря Перфилия Фалеева, отец которого тоже был служкой».⁹⁷

3 сентября. Собакин - Крекшину. «Не писать в посадское тягло «торгового крестьянина» Ивана Иванова, сына Устюжского, оставив его за Иванопредтеченским монастырем»⁹⁸

В сентябре же. Собакин - Крекшину. «Не писать в посадское тягло крестьян, живущих на «деревенских пашнях» Троицкого дому, так как не имеют лавок и не торгуют. Также не писать Троицких крестьян, которые торгуют только рыбой, за что платят пошлины в Пскове».⁹⁹

Две последние отписки были сделаны по просьбе епископа Левкия.

Воевода Крекшин, наконец, составил Роспись торговым людям, которые во Гдове, а также в Гдовском и Кобыльском уездах «всякими свальными товары торгуют».¹⁰⁰ Но и после этого забот у него не убавилось.

Сразу же пришлось заниматься конфликтом между гдовскими посадскими людьми и местным Никольским монастырем. Игумен жаловался в Псков, что гдовские посадские люди требуют приписать в посадское тягло слободу Гдовского Никольского монастыря, чтобы им самим было «не обидно платить», монастырскую слободу за рекой Гдовой сделать посадской выгонной землей и хотят захватить монастырские огороды. По требованию Собакина Крекшину пришлось выступить в защиту монастыря.¹⁰¹

Пришлось следить и за тем, чтобы не обманул государство псковский гость Микула Хозин, взявший вместе с посадским человеком Ваской Ворыгиным на откуп за 588 рублей в год угревые ловли на реке Нарове, а в Гдове и Кобылье - бани и наместничьи доходы, а также таможенные и замытные пошлины: «В 137 году Хозин по реке Нарове, у Скамьи, Ольгина Креста и Куречек, а также на реке Кунести купиша на Москве кабаки и поставиша в этих местех на откуп».¹⁰²

Государственная машина тем временем продолжала работать, рассылая по стране поток различных указов. Приходили они и в Псков, а оттуда отписывались в уездные города, в том числе и в Гдов. Поражает их обилие, даже простое перечисление:

- О количестве земли, приходящейся на соху;
- О верстании землями детей боярских в тех уездах, где они служат;
- О судебных и торговых пошлинах со стрельцов (с дохода свыше 1 руб.);
- О даче поместий в вотчины за «осадное сиденье»;

- О составлении новых писцовых книг в 1620 - 1650-е гг.;
- О дозорных книгах (проверках после пожаров, войн и др.);
- О введении новой государственной печати;
- О введении новых хлебных мер;
- О запрещении игрищ и колядований;
- О количестве крестьянских и бобыльских дворов, причитающихся на «живую четверть» поместной, вотчинной и монастырской земли;
- О запрещении употреблять табак и торговать им;
- О придаче поместного и денежного оклада служилым людям за убитых ими литовских людей;
- О зачислении в солдаты детей боярских и старых солдат, не имеющих вотчин и поместий и о жалованье им;
- О запрещении принимать в холопы верстанных детей боярских;
- О невзимании даточных людей и дворовых денег со служилых людей, за которыми не более 10 крестьян и бобылей;
- О запрещении кулачных боев;
- Об обеспечении вдов и дочерей погибших служилых людей;
- О размере штрафа за бесчестье торговых людей;
- Об отмене права тарханщиков на беспошлинную торговлю;
- Об отпуске на государя владельческих сел, расположенных близ посадов, и о запрещении крестьянам заниматься торговлей и промыслами;
- О переводе на посады торговых и ремесленных людей из митрополичьих и монастырских вотчинных земель, расположенных близко от посадов, кроме тех, на которые есть духовные «святых отец»,

а также множество других.¹⁰³

Не удивительно поэтому, что только в казне церкви Дмитрия Солунского в Гдове в 1656 г. оказалось 5 коробей старых дел и приказов, оставшихся от прежних гдовских воевод, а также от нескончаемого потока новых документов, текущих дел. Этот поток приостановился только в 1650 г. в связи с «хлебным бунтом».¹⁰⁴

7. «Оѣааі Цѣ а́оі ò»

Несмотря на то, что к середине XVII в. удалось преодолеть основные последствия «Смутного времени», развитие ремесла и торговли сдерживалось большим посадским тяглом, а в приграничных псковских городах еще и внешнеполитическими мероприятиями Московского правительства.

По Столбовскому миру 1617 г. к Швеции отошли Ижорская, Карельская и часть Новгородской и Псковской земель (временно даже Ладога и Гдов). Король приказывал не обижать новых шведских подданных, но шведские помещики подумали, что и на этот раз он хитрит, выставляя себя перед Европой, и подвергали новых сограждан экономическому, национальному и религиозному гнету. В связи с этим произошел массовый уход населения этих земель на русскую сторону. К середине XVII в. количество бежавших достигало 50 тыс. человек. Московское правительство, предвидя недовольство Швеции, принимало некоторые меры против этого переселения, но люди находили новые пути и продолжали бежать от шведов. Швеция, естественно, возмутилась и потребовала вернуть бежавших или выплатить 190 тыс.руб., хлебом по ценам псковского рынка. Вышло, что Швеция вывезет из Пскова и его пригородов 12 тыс. четвертей хлеба (72 тыс. пудов). Закупка хлеба для шведов была поручена псковскому купцу Федору Емельянову. Приобретение такой крупной партии хлеба не могло не сказаться на его ценах: вскоре они выросли вдвое, что сильно ударило по городским низам.

В Гдове, как и в других пригородах, почти все население было возмущено политикой правительства, что послужило поводом для начала народного восстания в Псковской земле в 1650 г., прозванного «хлебным бунтом». Он явился звеном в череде городских восстаний в России середины XVII в. В 1648 г. в Москве произошел «соляной бунт», в 1662 г. там же - «медный бунт». В 1650 г. восстали Новгород, Курск, Козлов, Елец, Томск, Великий Устюг, а также все псковские пригороды, кроме Опочки. А началось все с ареста шведского купца Нумменса, приехавшего с

казной в Псков за хлебом. Затем был разграблен двор Федора Емельянова и избрана своя власть во главе с Гаврилой Демидовым, которая и призвала все пригороды поддержать Псков. «Псковичи написали в Гдов, и гдовцы с псковичами сложились заодно».¹⁰⁵

Свои требования «меньшие люди» изложили в «Большой челобитной». Они хотели оградить себя от притеснений воевод, уменьшить тягло, судить псковских людей на месте, не вызывая их в Москву, а стрельцам и пушкарям сполна и вовремя выдавать жалованье (Они тоже поддержали восстание). Вместо ответа на «Большую челобитную» царь послал для подавления восстаний войско во главе с И. Хованским, которому «искрадом» (обманом) удалось взять Новгород и подавить там выступление.

Зная об этом, Псков и пригороды начали готовиться к обороне и развернули партизанскую войну. Хованскому едва удалось взять Снетогорский монастырь, где он и заперся, прося у царя помощи. Неудачи Хованского показали, сколь велика была ненависть народа к правительству. Москва стала искать другие пути выхода из кризиса. Вопрос специально обсуждался на Земском соборе. Решено было отвести войска от Пскова и пригородов и перейти к переговорам с восставшими. Вместо Хованского был направлен епископ Рафаил, которому постепенно удалось склонить городские низы, начинавшие голодать из-за военных действий, к прекращению сопротивления в Пскове. Однако в пригородах и уездах восстание продолжалось. Несколько раньше прибытия Рафаила в Псков поступило грозное послание самого Патриарха Иосифа, грозившее проклятием ослушникам. (Подробности этого народного движения изложены в монографии М. Н. Тихомирова и в историческом романе С. Злобина «Остров Буян», где фантазией писателя исторические лица действуют, как живые люди).¹⁰⁶

В августе 1650 г. в царскую канцелярию поступила челобитная от новгородских помещиков, запертых восставшими в монастыре вместе с Хованским. Ее подписали более 200 человек, некоторые из них имели поместья в Гдовском уезде: «...в полки к нам никакова запаса и харчу никто не везет. Кругом псковские воры и деревенские шиши. А мы души

свои осквернили, в среду и пятницу мясо ели в Петров пост, нечего есть. Помираем... голодную смертью. А в Пскове и во псковских пригородах и в уездах воровских людей много. А те пригороды от тебя, государь, отложились, окромя одное Опочки. Людишек наших побивают, нам ходу нет и лошадей выпустить некуда. И стоим от них, воров, в великой тесноте. Не дай, государь, погибнуть нам голодной смертью».¹⁰⁷

Поступали и индивидуальные жалобы помещиков, имевших земли у реки Плюссы. Они жаловались на то, что приходили люди из Гдова и грабили их имения, поджигали, издеваясь над женами и дочерьми: «Твое государево жалованье - деревнишки наши... подо Гдовом и без нас те же наши домишки разорили без остатку, матери наши и жены, и дети мучены и животишки наши без остатку пограблены и людишки без нас побиты. А который хлеб ржаной и яровой был сеян на нынешний 158 год и нам того хлеба спрятать и сена косить не дано, взяли те воры гдовские стрельцы и посадские люди и псковские на себя во Гдов, а ко 159 году ржи сеяти не дали и нечем».

Восставшая Сумерская волость стремилась установить связь с Гдовом. Новгородский воевода Буйносов-Ростовский послал в Гдов в 1651 г. Василия Неелова сыскивать имущество, отнятое у дворянина Квашнина, более других пострадавшего от восстания. Василию Неелову в Гдове было оказано сопротивление: крестьяне и стрельцы выступили против него с топорами и пищалями, и миссия провалилась. Понадобилось вмешательство Москвы, чтобы прекратить восстание. Она и здесь действовала осторожно, чтобы не спровоцировать нового возмущения масс. Псковский воевода Собакин за то, что допустил восстание, был освобожден от должности и вместо него назначен Василий Петрович Лыков. Больше других пострадал гдовский воевода Семен Крекшин, который не успел уйти из города, а потом его просто не выпустили. Восставшие с шумом и криком явились к нему на подворье, отобрали ключи и часть имущества, несколько раз приводили на место казни, явно издеваясь, а в итоге заперли его с женой и детьми и завалили колодедь, где он и просидел до конца восстания.

Вот как писал об этом царю новый псковский воевода Лыков: «И ведомо, государь, нам, холопом твоим учинилось: во псковское смутное время гдовские стрельцы и пушкари и всяких чинов люди приходили к съезжей избе, к нему, Семену, шумом, и городовые и казенные ключи у него отняли и его, Семена, во дворе заперли, и заперт сидел он с женою и 3 детьми во все смутное время за сторожи и, выводя его из двора, гдовские воры приводили к казни... 16 января (1651 г. - Авт.) бил челом тебе, государь, Семен Крекшин... чтобы ты его пожаловал, велел из Пскова отпустить к себе, к Москве, и мы 17 января его отпустили и велели подать ему отписку в Розряде (разрядный приказ. - Авт.)». На этой отписке, где он изложил свое горе, приписка, объясняющая, почему его просьба была удовлетворена: «Новгородец Семен Крекшин бил челом царю: ото гдовских воров живот свой мучил, на дворе был завален колодцем с женою и 3 детьми». Вместо пострадавшего Семена Крекшина воеводой в Гдов в 1651 г. был поставлен псковитин Павел Бешенцов.¹⁰⁸

Этот помещик остался жив, а вот другим досталось гораздо больше. Только в войске Хованского погибло помещиков и детей боярских: новгородцев - 21 человек, псковичей - 33, пусторжевцев - 1, Ржевы Володимировы - 4, торопчан - 7, лучан - 4 и луцких казаков - 4 человека, т.е. они погибли в борьбе. Но были и такие, которых казнили: Федора Михайлова сына Нашекина, Воина Павлова сына Сеславина, Матвея Фомина сына Тимашева с сыном Василием, Офонасея Федорова сына Вельяминова, Петра Кириллова сына Сумороцкого, Богдана Прокофьева сына Харламова, Якова Силина сына Неклюдина, Кирило Иванова сына Гарышкина, Богдана Федорова сына Чиркина. 13 сентября 1650 г. последовало распоряжение об установлении поминовения их, казненных в Пскове во время восстания.¹⁰⁹

Так закончилось второе грозное народное восстание в Псковской земле в XVII в.

8. Nēaī ààèèñ ì à âî ââî âñðââ

При исполнении хлопотной обязанности воеводской должности возникало много

трудностей и недоразумений от недостатка людей, средств и др. в распоряжении воевод. Но случались и откровенные злоупотребления, граничащие с преступлением. Из гдовских воевод больше всех «преуспел» в этом Афанасий Иванович Загряжский, о неправильном поведении которого дошли слухи до вышестоящих властей. Псковский воевода прислал в Гдов сыщика Григория Бешенцова, который впоследствии стал гдовским воеводой.

По прибытии в Гдов сыщик вскрыл, что Загряжский с неизвестными целями посылал своих людей за рубеж, отказался явиться для разбирательства, вскоре послал ложный навет на самого Бешенцова. Выяснилось также, что он был скор на расправу: неоднократно избивал городского приказчика Ивана Котова. Себя писал с «вичем», а царя неполно и то «меж строк». Загряжский подал челобитную на гдовского подьячего Онуфрейку Скворцова, который якобы похитил деньги из Гдовской съезжей избы, воеводского коня и бежал из Гдова. А денег он взял якобы изрядную сумму: 106 руб. 32 алтына 3 деньги да поклонных - 3 руб. с полтиною, да стрельческих - 2 руб.

Тем временем Онуфрий Скворцов оказался в Пскове, сам явился на допрос и поклялся, что ни денег, ни коня он не брал, а в Псков из Гдова шел пешком: до Полной - более 40 верст - один, потом с Илейкой Ивановым, крестьянином помещика Чиркина, и псковским стрельцом Минкою Толстым. По пути ночевал в Елизаровском монастыре, игумену которого он объяснил причину ухода из Гдова, и тот помог беглецу преодолеть оставшееся до Пскова расстояние. Он рассказал игумену, что Загряжский не давал ему возможности выполнять свою работу, он, как подьячий, вынужден был писать все бумаги и вместе с воеводой их подписывать. А воевода писал все бумаги со своим человеком Ивашкой, который часто ходил за кордон, однажды привел оттуда семью, и неизвестно куда она потом подевалась. И что это за люди - беглецы от шведов или шпионы?! Вот поэтому, что дело с Загряжским нечисто, Скворцов и решил бежать в Псков.

На допрос были вызваны все лица, которые могли иметь отношение к этому делу: сторож съезжей избы Омельяно Иванова и

сторожа собора Офонька Суслов и Васка Чеботай. Они заявили, что гдовские казенные деньги хранились не в съезжей избе, а в Дмитриевском соборе и что как только подьячий Скворцов исчез, Загряжский эти деньги взял. Следствию стало ясно, что во всем виноват именно Загряжский. С ним связан и самый громкий в Гдове скандал. В 1632 г. он принимал Гдов от воеводы Воина Новокшенова, и последний чем-то Загряжскому не понравился. Новокшенов по каким-то причинам после сдачи дел задержался в Гдове, и через несколько дней произошла их встреча с Загряжским в храме Дмитрия Солунского. Вот что писал о ней царю сам пострадавший: «В нынешнем, государь, году, октября в 20 день пришел я, государь, холоп твой, к вечерне к Дмитрию Вселунскому во Гдове помолиться, а тот Офонасий тут в церкви и учал меня, холопа твоего, лаяти и позорить всякою неподобною лаею, и, браня, государь, меня, холопа твоего, убил в церкви до полусмерти и церковь божию моей кровью осквернил, и меня от ево, Офонасьева, смертного убивства за мертва из церкви выволокли людишки мои и отволокли на мое подворишко туто ж в городе». На этом издевательства не закончились: Загряжский пришел с сотниками Онуфрием Бирюковым и Василием Бутеневым, со стрельцами и пушкарями на двор бывшего воеводы и пограбил его имущество, продолжая при этом избивать.¹¹⁰

Вот какие нравы имели место в Гдове XVII в.! И этого хулигана, афериста и вора убрали с должности не сразу, он еще несколько лет управлял Гдовским уездом.

9. Ĩ Ĩ ĩññāĭ āāĭ àÿ æèçĭ ù Ĩ Ĩ ñěã
«áóĭ òà»¹¹¹

Пострадавшего от «хлебного бунта» Семена Крекшина на воеводском посту в Гдове сменил в 1651 г. Павел Бешенцов, а его, в свою очередь, в 1652 г. - Аверкий Романович Шаховской. Дважды - в 1653 и 1658 гг. - гдовским воеводой был Степан Парфеньевич Елагин - представитель самой известной в Гдове фамилии. Елагины имели дворы в Гдовской крепости, им же принадлежали многочисленные деревни - Гостиж Бор, Завастье, Задубье, Грузовицы, села Воскресенское, Никольское и др.

В 1657 г. Гдовом и уездом управлял Богдан Иванович Нащокин, представитель тоже известной на Псковщине фамилии. Его сменил Михаил Шаблыкин, не столь знаменитый по сравнению с предшественниками, но тоже владевший землями в разных гдовских губах: на реке Нарове, у Ольгина Креста, на реке Руде, в Кулигах под Гдовом и на Селецком ручье в Гдовской губе. В 1659 г. Гдов возглавлял Иван Владимирович Голенищев - дальний родственник фельдмаршала М. И. Кутузова, а в 1666 - 1668 гг. - вновь Елагин (Герасим Григорьевич), которого в начале 1669 г. сменил Ф. А. Квашнин. Его правление сопровождалось бесконечными жалобами, в том числе и лично на него. Так, например, бывший ивангородец, а теперь псковский посадский человек Постников подал жалобу в Псковскую приказную палату на гдовского помещика Ивана Герасимовича Желнырского, который задолжал заявителю деньги и не возвращал их. В ответ на эту жалобу псковский воевода Великий-Гагин 4 декабря 1669 г. приказал Ф. А. Квашнину выслать в Псков для разбирательства помещика Желнырского и его поручителей.¹¹²

15 декабря того же года вдова бывшего гдовского воеводы Стефанида Елагина пожаловалась в Псков на воеводу Ф. А. Квашнина, требовавшего с нее полоняничные деньги со всего поместья мужа (со всех 116 крестьянских дворов, уже розданным другим помещикам. Вдовам оставляли по 20% имения мужа, а дочерям - по 10% каждой с имения отца). Елагина жаловалась на «вопиющую несправедливость», хотя платили за все крестьяне. На жалобе появилась резолюция: «Править на всех, а не на одной».¹¹³

5 января 1670 г. беспокойная служба Ф. А. Квашнина в Гдове закончилась, и он передал дела своему однофамильцу - новгородскому помещику Григорию Квашнину.¹¹⁴

Но еще больше жалоб поступало на воеводу Кондратия Ивановича Бухвостова. 27 октября 1675 г. на него пожаловались сразу все гдовские стрельцы в количестве 161 чел.: они заявили в Псковскую приказную избу о невыплате им денежного жалованья. Через несколько дней в Псков поступила новая жалоба, на этот раз от 8 гдовских пушкарей и 4 воротников.¹¹⁵ И вскоре Бухвостов

(в 1676 г.) был заменен Комеем Наумовичем Креницыным.¹¹⁶ До 16 марта 1678 г. Гдовом управлял сменивший Креницына стольник Андрей Семенович Дохтуров, а его сменил стольник Михаил Борисович Челищев. Затем власть снова перешла к Елагиным, и дольше всех воеводой был Григорий Степанович Елагин. Время его воеводства было спокойным: хотя и без войн, но со стихийными бедствиями и усилением крепостничества, поэтому крестьяне массами бежали от своих господ. Так, 20 января 1684 г. из деревни Пелеша Кушельской губы Гдовского уезда помещика Т. Е. Маврина бежали его целовальник (староста) и три крестьянина с женами и детьми и со всем «животом», при этом пограбили челобитчика.¹¹⁶ Воеводе необходимо было организовать облаву и поиск. Не успел справиться с одним делом - навалилось новое: 16 января 1685 г. вдова Воина Афанасьевича Ордина-Нащокина Прасковья Борисовна пожаловалась на Богдана Ивановича Коновницына, который в ее гдовской деревне Кривичи «разломал крестьянские огороды», чтобы провести для себя дорогу. Стрелял при этом в избы, всех перепугал, особенно детей, крестьян отвлекал от дела, «таскал их во Гдов напрасно»...¹¹⁷ Действительно, поистине суматошная служба!

10. Đóññêî - øââñêàÿ âî éí à 1656-1661 ää.

Война 1656 - 1661 г. была четвертой войной России против Швеции за выход на Балтику. Русское правительство по инициативе А.Л.Ордина-Нащокина заключило перемирие с Речью Посполитой, и летом 1656 г. выступило против Швеции. Часть войск из Новгорода и Пскова была двинута в Ингерманландию, заняла Орешек, Ниеншанц и др. Главные же силы во главе с царем Алексеем Михайловичем шли из Москвы в направлении на Полоцк-Динабург (Даугавпилс), осадив Дерпт и Ригу. 12 октября Дерпт пал, а Ригу взять не удалось.

Весной 1657 г. шведы перешли в наступление к Карелии и Ливонии, северным путем подошли к Ям. Возникла непосредственная угроза для Гдова, но, несмотря на

неоднократные тревожные обращения в Москву гдовских и псковских воевод, восстановление каменных стен Гдовской крепости из года в год откладывалось, хотя бреша в них зашивались бревнами, а вокруг возводились земляные укрепления.

В 1657 г. гдовским воеводой был Богдан Иванович Нащокин, хорошо понимавший выпавшие на его долю тяготы в условиях военного времени. В начале июня он направил в Москву докладную с предложениями об усилении обороны: «В 1656 г. и нынче частые приходы немецких людей от Ругодива, от Ивана-города, от Сыренска. Многие церкви и села подожжены, и разорены, а люди побиты или в полон поиманы, а ему Гдов оборонять нечем. Стрельцов в Гдове всего 150, из них много старых и увечных. По твоим грамотам, государь, велено быть в Гдове солдатам с Сумерской волости (Старорусская и Старопольская губы-погосты. - Авт.). Но Данила Неплюев их не отпускает. Он прислан из Новгорода. А Сумерская волость из-за болот и так оборонена... Новгородский воевода князь Григорий Семенович Куракин через полуполковника Еремея Росфора считает, что у меня 200 солдат (в XVII в. в Гдове по штату было 200 стрельцов¹¹⁸), а у меня по указу царя 1/5 взято и всего осталось 150 только. Прикажи, государь, чтобы хоть 1/2 людей из Сумерской волости дали в Гдов, Отстоим Гдов, отстоим и Сумерскую волость, не отстоим Гдов. эта волость Гдов не спасет. Слышно, что немцы уже жгут и Сумерскую волость, а Данила Неплюев не принимает мер, да еще грабит население. Ко мне жаловались люди».¹¹⁹

На докладной появилась приписка. Царь указал «половину людей из Сумерской волости послать в Гдов», а дальше видно будет, «а будет для промыслу над городом и ему со всеми людьми идти в Гдов». Поскольку Данила Неплюев подчинен новгородскому воеводе, то 12 июня из Москвы был отправлен приказ и ему: «И как к вам наша грамота придет, и вы б из Сумерские волости Данилу Неплюеву наших ратных людей с начальными людьми половину велели послать для обереганья от приходу воинских людей во Гдов к Богдану Нащокину, а з другою половиною с нашими ратными людьми ему, Данилу, быть на нашей

службе в Сумерской волости попрежнему и от приходу немецких людей оберегался и вестей про воинских людей проводывал, а будет Богдан Нащокин для промыслу над городом Сыренском для помочи о наших ратных людех к нему, Данилу, отпишет, и вы б ему, Данилу, со всеми нашими ратными людми велели итить к нему, Богдану, и нашим делом велели ему з Богданом промышлять заодно. А которого числа из Сумерской волости во Гдов половину наших ратных людей послать велите, и вы б о том отписали нам».¹²⁰

Меры, предпринятые Б. Нащокиным, оказались очень своевременными. Не успел он пополнить гдовский гарнизон, как под городом стали появляться шведские отряды во главе с генералами. Нащокин сразу же обратился, как ему было предписано, за помощью в Псков.

В начале сентября под Гдов явился граф Магнус Делагарди (внук Понтуса и сын Якоба Делагарди) с подчиненными ему четырьмя генералами и 8 тыс. пешего и конного войска, а также с «ломовым и полковым нарядом». Гдов снова оказался в осаде. Начался сильный артиллерийский обстрел города, и «приступы к городу были жестокие». В обороне принимало участие и гражданское население Гдова - «жилецкие люди», а также солдаты, драгуны, стрельцы и др. При этом драгуны во главе с полковником Гамонтом были не в крепости, а недавно присланные псковским воеводой И. А. Хованским стояли на посаде и не позволили противнику пожечь посады.

11 сентября 1657 г. Нащокин вторично обратился в Псков за помощью, т.к. под Гдовом оказались основные шведские силы, и защитникам его пришлось активно обороняться и делать вылазки: «бились жестоким обычаем и стояли против их крепко», было много побито врагов и 6 человек «поимали» в плен. Несли потери и гдовичи: погибли драгуны Ивашко Родионов, Зиновко Прокопьев, Осипко Онтонов и ранено 36 людей разного звания. И. А. Хованский получил вторичную просьбу о помощи 12 сентября, и на следующий день с большим войском вышел из Пскова в сторону Гдова: «взем с собою псковский наряд». Не доходя 30 верст до Гдова, 14 сентября у деревни Залахтове

от пленного шведского рейтара Хованский узнал, что граф Магнус Делагарди знает о его приближении, но не хочет принимать бой у Гдова, а начал отступление к Сыренску (в 20 верстах от Гдова).

Граф М. Делагарди уходил по Сыренской дороге, вдоль озера на север, о чем доносили И. А. Хованскому его «подъезчики». Тогда псковский воевода, «не хотя их отпустить за Нарову-реку», послал конный «ертаул» за ними вдогонку. «Ертаул» состоял из 12 сотен дворян и детей боярских, в погоню были брошены также голова Богдан Бешенцов с донскими казаками, ротмистр Григорий Тарбеев со своей ротой, стольник полковник Венедикт Змеев да Денис Фонвизин со своими рейтарами. Противник был настигнут на реке Черме, в трех верстах от Гдова, между Чудским озером и деревней Черма. Переправиться через реку не успели, и в три часа ночи 16 сентября ертаул и отряды обоих полковников начали бой: «немецкие люди побежали за реку Черму и там остановились. В ожидании основного войска русские за реку сразу не пошли. Началась пальба. Но вот подошел И. А. Хованский с основными силами. Он приказал окольному воеводе князю Тимофею Борисовичу Щербатому перейти реку, а сам стал прикрывать переправу с левого берега. Потом в прорыв он бросил отряды полковников Александра Гамонта и Христофора Юкмана, «мазора» Офонасия Дубасова, да голов стрелецких Ивана Волкова да Ивана Сумарокова. И начался бой опять «жестоким обычаем», «немецких людей збили с реки», и они стали отступать «от реки к Сыренску подле Чютцкого озера, отводом». Многих побили и переранили, «а иные метались в Чютцкое озеро и потонули, а пушки де граф Магнус велел метать в Чютцкое озеро... Бились жестоким обычаем без выдачи, не щедя голов своих», «немецких людей секли на всем пути и закончили, не доходя до Сыренска за 5 верст, на линии Козлов Берег-Вяжище», «потому что из Сыренска немецкие люди учали прибывать, и у твоих, великий государь, ратных людей лошади у многих пристали и пешие люди истомились, итить было нам, холопом твоим, больши не мочно». Сражение началось в три часа ночи, а закончилось в «полчаса дни» 16 сентября 1657 г.

Обо всем этом царю докладывал сам И. А. Хованский - очевидец, участник и организатор сражения, приводя сведения о потерях противника и собственных: убито шведских генералов - 2 (помощник графа Лейнциен и Фитингоф), полковников - 3, других офицеров - 22, рейтар - 800, пехоты - 2700, пленных - 50. Если считать, что к моменту сражения было 8 тыс., то они потеряли в бою до половины своего войска, не считая раненых. Захвачено было также много оружия, знамен и барабанов, взято знамя командующего. Пленные рассказывали, что граф Магнус тоже был ранен, и его увезли до окончания сражения, помощник же его был убит. Другие генералы не сочли возможным возглавить шведское войско и удалились: нарвский генерал Христофор Горн, колыванский - Бентгорн, генерал-майор Филипп Голов, генерал Лейнкант, что способствовало успеху русского оружия. Но понесла потери и русская сторона. Из полка И. А. Хованского был убит помещик Воцкой пятины Новгородской земли Иван Рындин, из полка Венедикта Змеева - Фома Алексеев сын Хрущов, Василий Спешнев, Тимофей Константинов сын Патрекеев - все из Новгорода, убито было также два рейтара из Галича, пять - из Юрьева Польского и еще 60 рядовых рейтар и 7 драгун, ранено 27 дворян и детей боярских. Из полка Т. И. Щербатова

были убиты 6 дворян и детей боярских, в том числе Данило Никонов сын Шаховской и Магвей Степанов сын Корсаков, из полка Дениса Фонвизина - 4 дворянина, в том числе Деметрий Иванов сын Воронцов-Вельяминов, и три рядовых драгуна, ранено дворян и детей боярских - 14, рейтар - 14, рядовых драгун - 20, один монастырский служка, драгунского строю прапорщиков - 2.

Далее Хованский сообщал, что его подвезчики узнали, что побитый противник ушел за реку Нарову и захватил земляной городок против Сыренска (в районе нынешней Скамьи), и воевода имел намерение идти за реку вслед за Магнусом. Эту реляцию отвезли царю сами герои сражения псковитин Богдан Бешенцов и пусторжевец Постник Неелов.¹²¹

Хованский исполнил свое намерение: он действительно стал преследовать графа Магнуса и потеснил его войска под Нарвой, Ям, Копорье и Ивангородом в октябрь-ноябре того же года. В Разрядном приказе об этом было известно, и там 18 ноября 1857 г. к документам Хованского сделали соответствующую приписку.¹²² А шведы, погибшие под Гдовом, были похоронены у реки Чермы. Это было последнее крупное сражение под Гдовом.

Примечания

⁸⁸ Псковский биографический словарь. Псков.2002. С.325

⁸⁹ Сборник МАМЮ. Т.VI.С.328

⁹⁰ Там же. Сс.328-329

⁹¹ Там же. Сс.329-330

⁹² Там же. Сс.330-331

⁹³ Там же. Сс.313-314

⁹⁴ Там же. С.316

⁹⁵ Там же. Сс.331-334

⁹⁶ Псковские акты собрания А.Ф.Бычкова. СПб.,1997. С.29

⁹⁷ Там же. С.30

⁹⁸ Там же. С.31

⁹⁹ Там же. С.32

¹⁰⁰ Там же. С.169

¹⁰¹ Там же. С.168

¹⁰² Там же. Сс.16-17; Псковские летописи. Вып.2. С.281; Афанасьев В.И. Обзор собрания Псковских актов А.Ф.Бычкова. М.,1979. С.186

¹⁰³ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI - первой половины XVII вв. Л.,1986

¹⁰⁴ Сборник МАМЮ. Т. VI. С.353

¹⁰⁵ Соловьев С.М. Указ.соч. Кн. V. С.510

- ¹⁰⁶ Тихомиров М.Н. Псковское восстание 1650 г. М.-Л.,1935; Злобин С. Остров Буян (разные издания)
¹⁰⁷ Сборник МАМЮ. Т.VI. Сс.95-98
¹⁰⁸ Там же. Сс.334-335
¹⁰⁹ Там же. Сс.99-100
¹¹⁰ Там же. Сс.318-327
¹¹¹ Сборник МАМЮ. Т.VI; Псковский биографический словарь.Псков.2002; Псковские акты собрания А.Ф.Бычкова.
¹¹² Псковские акты собрания А.Ф.Бычкова. С.41
¹¹³ Там же. С.44
¹¹⁴ Там же. С.42
¹¹⁵ Там же. С.62
¹¹⁶ Там же. С.119-120
¹¹⁷ Там же. С.121
¹¹⁸ Дополнения к актам историческим. Т.3. СПб.1848. Сс.124-125
¹¹⁹ Сборник МАМЮ. Т.VI. С.338
¹²⁰ Там же
¹²¹ Там же. Сс.338-344
¹²² Там же. С.344

Окончание следует